

A photograph of a riverbank with dense green foliage and a body of water. The background is a thick forest of dark green trees. In the foreground, there are bright green, sunlit leaves of a tree on the right side and some reeds or grasses at the bottom. The water is a calm, greenish-brown color.

Пантелій Марценюк

Над Бугом-рікою

**Вінниця
2013**

Пантелей Марценюк

Над Бугом-рекой

«Автор»

Марценюк П. И.

Над Бугом-рекой / П. И. Марценюк — «Автор»,

ISBN 966-8413-50-4

В книге описана нехитрая жизненная история сельского учителя, душа которого промелькнула в вечность сквозь, насыщенное бурными историческими событиями, двадцатое столетие.

ISBN 966-8413-50-4

© Марценюк П. И.

© Автор

Содержание

Предисловие	5
Часть первая: В Колюховських тернах	7
1.1. Моя семья	7
1.2. Село Колюхов	9
1.3. Революция	11
1.4. После революции	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

П.И. Марценюк Над Бугом-рекой

«Над Бугом-рекою

Росли мы с тобою

.....

Над Бугом пришлось умирать»

Из песни А.Клименко

Предисловие



Мой отец, Марценюк Пантелей Иванович прожил долгую и насыщенную историческими событиями жизнь. Он родился девятого августа одна тысяча девятьсот четырнадцатого года – года, когда началась первая империалистическая война. Еще маленьким ребенком он пережил за плечами матери бурные события лет революции, рождение и падение Украинской народной республики, гражданской войны. Во времена новой экономической политики и в годы коллективизации он видел как перемены к лучшему в экономике Украины, так и беспощадную эксплуатацию и развал села большевистской властью. Пережил голод тридцать третьего года и четыре года немецкого плена в Великую Отечественную войну. Он был свидетелем, как бездарного начала войны, так и триумфального ее окончания. Не обошли отца и послевоенная «война без фронтов» на западной Украине. Он умер двадцатого мая двухтысячного года, дождавшись появления Украинского государства и, прожив достойную и честную жизнь. Вечная память и пусть земля будет ему пухом.

Марценюк Валерий Пантелеймонович

Часть первая: В Колюховських тернах

1.1. Моя семья

Родился я в селе Колюхов, которое находится в Тивровском районе Винницкой области. Родители мои, как и другие предки, были коренными жителями этого села. Родителей отца и матери я не помню, так как родился уже после того, как почти все они умерли (кроме деда Павла). Знаю только, что в молодости они были крепостными, а потом, после реформы одна тысяча восемьсот шестьдесят первого года, получили небольшие наделы земли и хозяйничали на них. Семьи в них были большими, поэтому приходилось проживать в беде и нужде.

Мой отец Иван Павлович Марценюк, родился в 1870 году в крестьянской семье бывших крепостных села Колюхов. В семье было трое сыновей – Григорий (звали его по народному – Рыгорко), Прокоп, Иван и две сестры. Семья была малоземельной, а потому, чтобы выжить, приходилось повседневно и тяжело работать в имении местного пана Врублевского. Сызмала отец пас господские свиньи, а когда немного подрос – коровы. Потом работал погонщиком коней в поле при пахоте. Плата за эту трудную крестьянскую работу была крайне мизерной. Помещик Врублевский был малопоместным, а потому старался выжать из крестьян все возможное и невозможное. Он был недобрым человеком и эксплуатировал крестьян беспощадно. Дед Павел не всегда подчинялся прихотям помещика, поэтому тот оказал содействие, чтобы его сына Ивана взяли в войско. К тому времени моему отцу было 23 года.

Так отец в одна тысяча восемьсот девяносто третьем году попал на службу в царскую армию. Служба его проходила в разных местах России. Наиболее долго пришлось служить на Кавказе, в частности, в Азербайджане и Грузии. Неграмотному крестьянину было тяжело на этой службе, тем не менее, судьба дала ему там возможность научиться читать, писать и считать. Одновременно с крестьянами службу проходили и просвещенные мещане, которые помогли получить это начальное образование. В дальнейшем отец своими силами продолжал обучение, исходя из своей возможности согласовывать это образование с трудной крестьянской жизнью. Возвратился он из армии после пяти лет службы и в 28 лет вступил в брак с семнадцатилетней местной жительницей Александрой (Филимоновной), тоже из многодетной семьи. В них родилось восемь детей, однако выжили и стали взрослыми только пятеро, три сестры – Елизавета (1900 года рождения), Лариса (1904 года), Вера (1908 года), брат Федор (18 апреля 1910 года) и я – самый младший. Родила меня мать во время жатвы на снопах девятого августа одна тысяча девятьсот четырнадцатого года. В то время имена новорожденным давали священники и поскольку девятое августа – это день святого Пантелеймона, то и имя дал мне поп соответствующее. Отец был очень недоволен таким именем и даже подрался по этому поводу с попом. По рассказам сестер и матери знаю, что отец не очень обрадовался моему рождению. Семья была многодетная, отец тоже уже не молодой, имел сорок четыре года и ему, да и другим членам семьи, было не до грудного ребенка. В начале жизни почти никто за мной не присматривал, я одиноко лежал в люльке под присмотром роя мух. Люлька стояла во дворе, недалеко от ограды для скота и свиней, и потому мухи прямо измывались надо мной.

Тем не менее, в год моего рождения умерли за одну неделю трое старших детей (Яков, Анастасия и Тодось), заболев на дифтерию. Сначала заболел Яков, который учился в гимназии в городе Немиров. Затем, заразившись от него, заболела Анастасия, а затем и шестилетний Феодосий (Тодось). После этого за мой уход взялись более тщательно.

Время было очень трудное и, чтобы выжить, моим родителям со старшими детьми приходилось настойчиво работать. Девчатам учиться почти не приходилось. Их после одного-двух классов сельской школы отдавали в науку к портнихам. Такую науку прошли сестры Елиза-

вета и Анастасия, которые смогли дальше самостоятельно шить женскую одежду. А от них научились этому ремеслу Вера и Лариса. В летнее время они занимались работами в поле и по хозяйству, а зимой шили разнообразную одежду. Одежду изготавливали как из фабричного холста, так и из домашнего. Для изготовления одежды повседневного употребления пряли пряжу, из которой в дальнейшем изготавливали домотканый холст.

После моего рождения мать часто болела. Несмотря на это ей вместе с отцом постоянно приходилось беспокоиться о нас детей, чтобы мы были всегда накормлены и одеты. Мать так и осталась неграмотной, тем не менее, за чуткость и заботу о нас мы всегда любили ее и уважали.

1.2. Село Колюхов

Наше село находится на расстоянии приблизительно около полутора километров от речки Южный Буг. В эту речку впадает маленькая речушка по обоим берегам которой и раскинулось село Колюхов. Речушка начинается в центре села из небольшого родника. На пути протекания речушки, в направлении к реке, в селе построили плотины, вследствие чего образовалось целый ряд прудов. На сегодняшний день таких прудов можно насчитать уже шесть, хотя в начале двадцатого столетия их было только три.

Название нашего села «Колюхов», судя по всему, происходит от слова «колюхи». Так от села к речке Южный Буг направляется дорога, возле которой еще на моей памяти росли густые заросли дикого боярышника всыпанного колюхами к такой степени, что продраться через него было почти невозможно. С течением времени эти заросли понемногу стали исчезать и в наше время уже тяжело найти даже их следы. Через речку, в ее наиболее узкой части, была налажена переправа в направлении соседнего села Никифоровцы с помощью парома. Где-то в восьмидесятые годы паром заменили на понтонный мост. В этом месте есть довольно глубокое озеростарица, которое соединяется небольшим протоком с речкой. Вода в озере такая прозрачная, что местами можно увидеть дно.

Через паромную переправу крестьяне ездили в направлении городка Немиров и к центру уездного городка Брацлава. Для того чтобы не приходилось долго ждать на переправе, там находился постоянный паромщик. Оплату за свою работу он получал от людей, которых переправлял через речку. На холме был выкопан земляной шалаш, в котором оборудовали печку, и это разрешало паромщику находиться на переправе в холодные осенние и весенние месяцы. Зимой речка замерзала, через нее ездили санями и ходили пешком. Шалаш и переправа находились со стороны села Никифоровцы, недалеко от очередной небольшой речушки, одной из безымянных притоков Южного Буга.

Паром приводился в движение паромщиком и людьми, которые переправлялось через речку. Для этого на металлический трос, который закреплялся на столбах с противоположных берегов реки и проходил через столбы на одной из сторон парома, надевался специальный привод. Этот привод был в виде деревянной рукоятки с отверстием, через которое проходил трос. Привод легко передвигался по тросу при перпендикулярном положении к нему. Если привод заворачивали под углом к тросу, то его сцепление с тросом становилось настолько жестким, что можно было тянуть паром по воде в нужном направлении. Паром имел вид большого деревянного квадратного корыта. Размеры его сторон достигали десяти метров, что разрешало перевозить не только людей, но и скот, телеги, а с течением времени даже и автомобили.

На окраине села со стороны, которая вела к речке, находилась усадьба профессора Николая Попова. Дом профессора стоял на въезде к усадьбе, которая вокруг была обсажена дубами, опоясана рвом и ограждена колючей проволокой. Усадьба была хорошо благоустроена и занимала площадь где-то около десяти гектаров. Половина этой площади была засажена садом, а вторая половина использовалась под овощи. Профессор работал в Одессе в одной клинике с известным хирургом Филатовым. Он практически в усадьбе не проживал и приезжал только на отдых. Если все же находился в усадьбе, то по просьбе жителей села, как его не уговаривали, к больным не ходил. Ходила его жена, которая почти постоянно проживала в усадьбе, а также экономка Антонина Вертальская. Они, как умели, лечили сельчан, получая за свои услуги признательность продуктами. Перед самой революцией в конце усадьбы был возведен новый двухэтажный дом. К новому дому от старого со стороны села была проложена дорога, обсаженная с обеих сторон молодыми липами. После революции этот дом развалили и растянули на стройматериалы.

Почти в центре села находился дом местного помещика Врублевского. Он стоял на холме возле пруда. Дом этот был небольшим одноэтажным из кирпича. Перед домом росла старая сосна метров тридцать высотой и метра четыре в обхвате. Во время революции помещик из села исчез, а вот его дом и до сего времени находится на своем месте и в нем размещается сельская школа. Сосну ту с течением времени срезали.

На противоположной к Бугу стороне села находится кладбище. Перед кладбищем на довольно большой площади стоит деревянная церковь, в которой местный люд как начинал свое странствие у жизни обрядом крещения, так и заканчивал ее по пути на погост.

Село принадлежало к Брацлавскому уезду и до революции, а также длительное время после нее, славилось выращиванием табака. Табак – теплолюбивая культура, поэтому высаживали его в землю весной рассадой, которую получали из парников. Высаживали рассадку табака рядами на расстоянии с полметра в междурядьях и до двадцати сантиметров в ряду. Высота растений была около двух метров. Листья на растениях вырастали роскошные, фикусоподобные в несколько рядов. Их срывали, развешивали на солнце и сушили. Потом высушенные листья складывали в стосы и резали. Табак у крестьян оптом скупали евреи, которые держали табачные фабрики. До революции за табак платили золотыми рублями. Эти рубли крестьяне понемногу прятали на черный день, как универсальную валюту. Помню, один раз отец при мне вытягивал из тайника такие монеты. Куда они исчезли после его смерти неизвестно, хотя догадки по этому поводу были.

1.3. Революция

Начало войны в 1914 году я, конечно, не помню – был грудным ребенком, тем не менее, некоторые моменты из революции 1917–1920 лет иногда возникают в памяти. Наше село часто переходило из рук в руки разных враждующих частей и отрядов. То его занимали петлюровцы, то появлялись части Красной армии, то хозяйничали казаки из отряда местного атамана Артема. Между ними периодически возникали стычки и бои. Победители забирали у крестьян продовольствие, иногда одежду, скот и реманент (телеги, упряжь и другое).

Атаман Артем Онищук был родом из соседнего села Соколинцы. Там у него проживала сестра Софья, а вторая сестра – Татьяна жила в нашем селе Колюхов. До революции она служила прислугой у профессора Николая Попова. Когда профессор во время революции подался во Францию, Татьяна возвратилась домой и вышла замуж за Ивана Кулибачука. Татьяна и Иван Кулибачуки были родителями Константина Кулибачука первого мужа моей двоюродной сестры Анастасии Григорьевны (дочь брата отца Рыгорка).

До революции Артем Онищук работал сельским учителем. Во время событий 1917–1921 лет он принимал активное участие в организации и действиях отрядов местных атаманов Волинца, Солтиса, Гальчевского, Лыхо. Потом на некоторое время он порвал с ними и вместе с большевиками занимался ликвидацией отрядов некоторых из этих атаманов. Однако введение продразверстки вызвало у него неприятие политики большевистской власти, и он организовал из крестьян свой повстанческий отряд, который действовал на территории Тывровщины, Летичева, Каменец-Подольского. Атаман выступал за то, чтобы предоставить крестьянам больше прав и за отмену продразверстки. В отряде повстанцев под командой Артема было до семисот казаков при легкой артиллерии, и они доставляли много неприятностей советской власти.

Об отношении советской власти к повстанцам свидетельствует хотя бы такая выдержка из «Обращения Подольского губернского исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов к крестьянам Подолья об уплате продовольственного налога» от 21 июля 1921 года.

– «...Еще одно слово к вам трудовые крестьяне. У Советской власти еще немало тайных врагов. Они приходят к вам, эти ненавистники трудовой власти, эти волки в овечьих шкурах народолюбства, они наводят клевету на вашу власть, они позорят ее. Наймиты помещиков и фабрикантов, агенты Петлюры, польского холопа, который продается попам за их проклятое золото, говорят вам не платить налога, так как налог есть та самая продразверстка.

Не верьте им, это наизлейшие враги ваши, они сбивают вас из правдивого пути, они вносят смуту в вашу трудовую жизнь.

Даже темные, опутанные Петлюрой бандиты со дня на день начинают понимать, что Советская власть – власть работающих масс. Они выходят толпами из лесов и звериных логовищ и, прощенные народной властью, мирно возвращаются к честной работе.

Сдались Мордалевич, Грозный, Лисица, сдался Онищук, сдадутся и другие.»

По распоряжению Харьковского правительства Артем и его отряд были ликвидированы Подольской ЧК зимой одна тысяча девятьсот двадцать первого года. Сам Артем поддался на обманчивые обещания начальника информотдела Винницкой ЧК Ельзы Грундман, которую он хорошо знал со времен ликвидации атаманов. Он поехал в Винницу на переговоры с председателем Подольской ЧК и оттуда не возвратился. В это же время на Винничине подобными методами были ликвидированы отряды и других атаманов.

Когда набегала очередная власть, то сестры прятались в дом, а мы вдвоем с братом Федором бегали за матерью, которая старалась не допустить ограблений. Помню, как-то солдаты забирали из сарая сено, припасеное для коня и коровы. Мать плакала и просила солдата оставить что-то и для нашего скота, а тот, чтобы отцепилась, замахивался на нее саблей.

В то бурное время невинно погибли некоторые из наших односельчан. Таким примером была трагедия семьи Карпенко. В семье было пять сынов. Два старших сына служили в царской армии, во время войны четырнадцатого года попали в плен, и после окончания войны остались проживать в Франции. Один даже там женился и затем приехал в Колюхов с женой-француженкой на постоянное место жительства. Однако жена не смогла выучить наш язык, и они снова возвратились назад во Францию. Второй сын тоже жил во Франции по паспорту иностранного рабочего. Третий сын Антон во время революции учился в Немировской гимназии и на каникулы приезжал в село к отцу. Семья была не из бедных, так как ему даже купили велосипед, что в те времена считалось большой роскошью. Катаясь на этом велосипеде, Антон вместе с товарищем подъехал к дому помещика Врублевского. На то время там была расквартирована часть сводного отряда армии УНР под командованием куренного Артема Онищука. В кладовке этого же дома содержали пленных красноармейцев. Антон ходил себе с велосипедом в гимназической шинели возле дома помещика, и мало чем отличался от петлюровских служивых.

Когда после каникулов он возвратился в Немиров для обучения в гимназии, то там уже были красные. Как-то по дороге из гимназии на свою квартиру Антону попался навстречу красноармеец, которому удалось убежать из под ареста в Колюхове. Тот его узнал, Антона арестовали, как пособника петлюровцев и посадили в тюрьму. Когда об этом аресте узнал отец Антона, он бросился в Немиров выручать сына, пробовал все объяснить, тем не менее, посадили и его. Потом в неразберихе революционных событий, когда город переходил из рук в руки, их обоих расстреляли.

Четвертый сын, Василий Карпенко, остался в селе, и определенное время был там даже председателем сельского совета. Однако в начале периода установления в стране культа Сталина, он, предвидя, что и его тоже могут арестовать, вспомнив отца и брата Антона, расстрелянных за пособничество петлюровским войскам, переехал в Донбасс. Оттуда он пошел в армию, воевал и закончил войну полковником. Жил в Москве. В Колюхове у него остались две дочери. Одна из них состояла в браке с Петром Ткачуком (на прозвище Пуш), который после войны длительное время (практически вплоть до своей смерти в 2002 году) был председателем сельского совета.

Самый младший брат Антона, Павел Карпенко, был первым мужем моей сестры Веры. Однако в тридцать четвертом году, наверное, снова же через своего брата и отца, он был арестован и выслан в Сибирь. Оттуда он писал сестре, чтобы и она приехала к нему. Вера таки собралась и доехала до Москвы, однако там заболела на тиф и возвратилась домой. После нее тифом заболел я, мать, отец, а также брат отца Рыгорко и его жена.

1.4. После революции

В двадцатом году вышла замуж за односельчанина Ребрика Григория самая старшая моя сестра Елизавета, и в дальнейшем уже жила своей семьей. Империалистическая и гражданская война опустошили не только наши города, но и села. Из этих войн не возвратились много мужчин, остались вдовами женщины и сиротами дети. Ощущалась, в особенности в двадцать первом году, недостаток самых необходимых для жизни вещей – одежды, обуви, мыла, соли, спичек и другого. Люди искали способы им замены, как-то – белье вываривали, посыпали его печным пеплом. Вместо утюга использовали, так называемую, магильницу (грубую палку, вокруг которой обертывали белье).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.